

Двѣ поѣздки въ горы Ташкентскаго уѣзда.

О. А. Шкапскаго.

Лѣтомъ 1903 года мною были совершены двѣ поѣздки въ горы Ташкентскаго уѣзда: въ верховья р. Ангрена на мѣстность Акъ-тау и въ верховья рѣки Пскема въ ущелья рѣкъ Майдантала и Ойгаинга. Цѣлью моихъ поѣздовъ была рекогносцировка государственныхъ земель, -эксплоатируемыхъ для пастбы скота гуртовщиками скототорговцами.

Въ верховья р. Ангрена я выѣхалъ изъ г. Ташкента 14 іюня; изъ сел. Туркъ на берегу Ангрена при выходѣ его въ долину я выѣхалъ 17 іюня, 18 вечеромъ былъ у конечнаго пункта моей поѣздки теплаго ключа Арасанъ-булакъ, а 22 іюня уже вернулся въ сел. Туркъ, пробывъ на мѣстности Акъ-тау 5 дней.

Въ верховья р. Пскема я выѣхалъ изъ Ташкента 7 іюля; 9 былъ въ кишлакѣ Нанай, откуда черезъ селеніе Пскемъ выѣхалъ къ сліянію рѣкъ Майдантала и Ойгаинга и затѣмъ, поднявшись вверхъ по Ойгаингу, 13 іюля былъ на верхнемъ Чотанскомъ ледникѣ; спустившись затѣмъ по ущелью Майдантала, я черезъ перевалъ Турпакъ-бель, берега рѣки Андаульганъ и кишлакъ Пскемъ 16 іюля вернулся въ селеніе Нанай, пробывъ въ верховьяхъ р. Пскема шесть дней.

Несмотря на краткіе періоды моихъ поѣздовъ по горамъ, свѣдѣнія, собранныя мною, не лишены нѣкотораго интереса для географіи Туркестана.

І. Акъ-тау.

„Акъ-тау“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „бѣлыя горы“, туземцы называютъ горную страну верховьевъ р. Ангрена. Названіе это дано отъ кольца снѣжныхъ вершинъ, окружающихъ весь бассейнъ верховьевъ Ангрена, съ сѣверо-запада, сѣвера, востока и юга и отдѣляющихъ этотъ бассейнъ отъ бассейновъ рѣки Чаткала съ сѣвера и съ юга рѣкъ Гава, Касанъ-су и Чадакъ-су, впадающихъ въ Сыръ-дарью въ предѣлахъ Ферганской области.

Западная граница Акъ-тау не можетъ быть точно опредѣлена. Одни туземцы считаютъ продолженіемъ Акъ-тау горы, идущія съ южной стороны р. Ангренъ параллельно ей до длины селенія Аблыкъ, а также и горы, отъ сел. Туркъ подъ угломъ отходящія на сѣверо-западъ; другіе же западную границу Акъ-тау считаютъ рѣку Ирташъ, съ правой стороны впадающую въ Ангренъ верстахъ въ 20 къ востоку отъ сел. Туркъ.

Вышеупомянутое кольцо снѣжныхъ горъ видно съ перевала въ 2500 метровъ, раздѣляющаго истоки рѣчекъ Кызылча и Джакъ-арча, изъ которыхъ первая впадаетъ въ р. Ирташъ, а вторая въ р. Ангренъ. Съ этого перевала все Акъ-тау представляется сильно пересѣченной саями и хребтами горъ мѣстностью съ рѣзко выдѣляющимися крутыми скалами, ограничивающими теченіе рѣки Ангрена. Далеко къ востоку, ближе восточнаго края кольца снѣжныхъ горъ, виднѣется гряда красноватаго хребта, отдѣляющаго Ташъ-сай отъ самаго большаго притока р. Ангрена рѣки Арашана.

Путь на Акъ-тау идетъ отъ селенія Туркъ черезъ два небольшіе горные кишлака, Четь-су и Джабланъ, и отдѣльно расположенную группу курганчей по долину Ирташа. Всѣ эти поселенія расположены по берегамъ рѣчекъ того же имени.

До Четь-су дорога идетъ по каменистому широкому карнизу на нѣсколько сажень выше рѣки Ангрена, которая видна во все время пути до Четь-су. Передъ въѣздомъ въ Четь-су дорога отклоняется отъ Ангрена и черезъ бродъ рѣчки Четь-су подымается въ складки горъ, среди которыхъ лѣнятся савли горцевъ. Отъ Четь-су дорога подымается въ

гору и сначала идетъ по выступамъ известняка. На этомъ подъемѣ очень часто встрѣчаются экземпляры *Gryphaea Kaufmannii*; такія же раковины во множествѣ встрѣчаются на подъемѣ по лѣвую сторону р. Ангрена противъ селенія Туркъ.

Горы и лощины почти на всемъ протяженіи подъема по обѣ стороны его распаханы и потому дикорастущихъ травъ мало; онѣ начинаютъ встрѣчаться по другую сторону этого перваго перевала, лежащаго на высотѣ 1500 метровъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ богаче флора и красивѣе горные ландшафты. При спускѣ къ Джаблану встрѣчаются сѣнокосныя мѣста. Населеніе, впрочемъ, ихъ мало эксплуатируетъ, такъ какъ коса здѣсь не въ ходу, а серпомъ много не нажнешь. Въ селеніи Джабланъ встрѣчается и первая группа дикорастущихъ деревьевъ. Группа около десятка горныхъ кленовъ живописно пріютилась на глыбѣ конгломерата высоко поднимающейся среди безпорядочно разбросанныхъ сакель.

Эти клены, какъ и отдѣльно стоящіе экземпляры арчи по скаламъ около береговъ р. Ирташа представляютъ собою остатокъ вѣроятно бывшихъ ранѣе болѣе большихъ группъ лѣсной растительности. Но самыя большія группы арчи встрѣчаются по берегу р. Зыгирикъ впадающей въ р. Ирташъ. Мѣстами группы арчи стоятъ на склонахъ горъ по десятку и больше и при томъ настолько густо, что отѣняютъ собою всю почву. Но всѣ такія группы разбросаны по склонамъ горъ среди богатой травяной растительности. Особенно же богата травой широкая полоса къ юго-западу, долина рѣчки Зыгирика. Бѣлый и красный клеверъ, подорожникъ, различные виды злаковъ, вика—все это густымъ ковромъ покрываетъ всю долину, превращая ее въ превосходное сѣнокосное угодье, которое, однако, не служитъ для этой цѣли: владѣлецъ Зыгирика, одинъ изъ Башъ-вишлакскихъ жителей, откармливаетъ на этой долинѣ свои гурты барановъ передъ выгономъ ихъ изъ горъ для продажи.

Отъ Зыгирика дорога идетъ узкимъ карнизомъ по склонамъ горъ среди рѣдко стоящихъ арчей. Склоны эти бѣдны травой, а потому легко размываются силевыми потоками. На этомъ пути я въ нѣсколькихъ мѣстахъ видѣлъ одиночно стоящія арчи, обреченныя на гибель, такъ какъ болѣе половины корней ихъ обнажены размывами.

Версты четыре пути по этому карнизу, а затѣмъ дорога

спускается въ долину Кизылча, гдѣ я встрѣтилъ первую юрту жителя Башъ-кишлакскаго общества, переѣхавшаго на дачу для пастьбы своихъ гуртовъ скота. Стоянка этого туземца расположилась у подошвы горы, снѣга которой питаютъ Кизылча-сай. Въ полуверстѣ выше юрты лежалъ еще снѣгъ, котораго далѣе не было, и только высоко на склонахъ горы лежали большія поля снѣга.

Въ этотъ день меня и моихъ спутниковъ ¹⁾ нѣсколько разъ мочилъ дождь. У Ирташа мы должны были въ пустыхъ сакляхъ переждать ливень съ градомъ. При спускѣ къ Кизылча-саю снова сталъ накрапывать дождь, который, однако, скоро пересталъ, такъ какъ вѣтеръ гналъ дождевыя облака. Облаками были закутаны и вершины горъ. Когда вѣтеръ сталъ освобождать вершины отъ облаковъ, которыя какъ занавѣсъ отодвигались, предоставляя намъ любоваться снѣжными вершинами, на склонахъ горъ, обнаженныхъ отъ снѣжныхъ полей, облака оставляли тонкую пелену снѣга. Картина была и оригинальна для насъ и своеобразно красива. Пелена, впрочемъ, эта быстро стаяла.

На обратномъ пути (21 іюня) я проѣзжалъ опять черезъ это мѣсто, но не видѣлъ уже больше того снѣжнаго поля, которое 17 іюня лежало въ полуверстѣ выше юрты; снѣгъ растаялъ, оставивъ вмѣсто себя свѣже зеленѣвшую траву.

Любопытные слѣды прежней культуры мнѣ пришлось видѣть въ обратный путь, — русло стараго арыка, проведеннаго отъ верховьевъ Кизылча-сая на высотѣ около 2000 метровъ. Арыкъ былъ проведенъ небольшой, но люди, проводившіе его, не мало приложили къ нему труда: мѣстами арыкъ пришлось проводить черезъ лощины, а потому въ этихъ мѣстахъ были устроены насыпи, сверху закрѣпленныя камнями. Насколько прочно были сдѣланы эти насыпи, можно судить по тому, что русло арыка отчетливо было видно на этихъ насыпяхъ, сохранились и берега. Казалось, что еще недавно текла по этому арыку вода, а между тѣмъ, по словамъ туземцевъ, арыкъ заброшенъ лѣтъ 40 тому назадъ. Мнѣ не могли сказать, кто проводилъ арыкъ и почему онъ заброшенъ, но несомнѣнно, что въ этой дикой мѣстности существовала земледѣльческая

¹⁾ Со мною ѣздили А. А. Тилло, четыре лѣсныхъ объѣзчика и проводники туземцы.

культура, отъ которой не осталось слѣда, по крайней мѣрѣ, въ той части арыка, которую я видѣлъ на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ.

Отъ Кизылча-сая начался подъемъ на переваль въ 2500 метровъ, съ высоты котораго, какъ я уже сказалъ выше, видно кольцо окружающихъ Акъ-тау снѣжныхъ горъ.

Влѣво отъ этого перевала лежатъ снѣжныя поля, дающія начало множеству ручейковъ, соединяющихся въ ручей Джакъ-арча, названный такъ потому что въ нижнемъ теченіи его имѣется одинокая арча. (Джакъ по таджикски — одинъ). Недалеко отъ истоковъ Джакъ-арча-сая, по камнямъ стремящагося внизъ, виднѣлась палатка крестьянъ Надеждинскаго поселка, пригнавшихъ на Акъ-тау свои гурты барановъ. Крестьянъ этихъ было трое, а скота у нихъ;—удного 880, у другого 560 и у третьяго 120 барановъ. По разспросамъ одинъ изъ нихъ началъ пасти своихъ барановъ на Акъ-тау въ 1902 году, а остальные пришли впервые. Путь ихъ изъ Надеждинскаго поселка шелъ черезъ Шаракинскую переправу на р. Сыръ-дарьѣ и далѣе лѣвымъ берегомъ р. Ангrena, черезъ которую они переправились на правый берегъ по мосту у сел. Туркѣ.

Верховья Джакъ-арча-сая представляютъ собою очень пологій склонъ горы, по которому стекаютъ снѣговья воды. Но на юго-востокѣ отъ истоковъ этого сая пологій склонъ переходитъ въ извилистое и глубокое ущелье, по которому течетъ Джакъ-арча въ Ангренъ.

Джакъ-арча, однако, не можетъ считаться первымъ послѣ Кизылча-сая ручьемъ. Между нимъ и Кизылча-саемъ имѣется еще рядъ небольшихъ горныхъ ручьевъ, которые всѣ начинаются въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи и только ближе къ Ангрену расходятся глубокими ущельями вѣерообразно, отъ своихъ сходящихся истоковъ. Всѣ эти ручьи питаются снѣгомъ и къ концу лѣта обыкновенно изсякаютъ. Порядокъ, въ которомъ расположены эти ручьи отъ запада къ востоку, слѣдующій: Лашинъ-кiя, Талды-сай, Алмалы 1, Алмалы 2 и Джакъ-арча.

Верстахъ въ трехъ отъ истоковъ Джакъ-арча дорога спускается въ глубокое ущелье, по дну котораго течетъ рѣчка Келенчикъ. Начинаясь четырьмя истоками въ складкахъ горы Келенчикъ, рѣчка эта течетъ по каменистому руслу по дну

ущелья, которое все густо покрыто зеленою травъ. Келенчикъ не непосредственно впадаетъ въ р. Ангренъ, а соединяется съ двумя другими саями — Ташъ-саемъ и Бешъ-юмуртка.

Между Келенчикомъ и Ташъ-саемъ идетъ гряда горъ, густо покрытыхъ травою. У слиянія съ Ташъ-саемъ эта гряда оголяется и по склону къ Ташъ-саю покрыта крупными глыбами скалъ. Точно также обломками скалъ покрыты оба склона Ташъ-сая, который течетъ по камнямъ. Отъ этихъ скалистыхъ обломковъ и получилъ свое названіе Ташъ-сай.

Спускъ на дно Ташъ-сая со стороны Келенчика довольно крутъ, противоположная же лѣвая сторона склона ущелья Ташъ-сай полого поднимается террасами.

Келенчикъ, Ташъ-сай и Бешъ-юмуртка по слияніи текутъ однимъ русломъ безъ особаго названія въ тѣсномъ скалистомъ ущельѣ до самаго Ангрена. Скалы отвѣсно падаютъ до дна этой рѣчки, чѣмъ и можно объяснить отсутствіе названія ея. Населеніе, выпасывающее скотъ на Акъ-тау, нуждается въ опредѣленіи названіями отдѣльныхъ урочищъ, на которыхъ оно и останавливается со скотомъ, а такъ какъ въ тѣснинѣ, по которой текутъ соединенныя воды Келенчика, Ташъ-сая и Бешъ-юмуртка, нѣтъ мѣстъ для остановокъ, то и нѣтъ необходимости давать этой тѣснинѣ особое названіе.

Изъ этихъ трехъ рѣчекъ только Бешъ-юмуртка лѣтомъ пересыхаетъ. Келенчикъ же и Ташъ-сай не пересыхаютъ и несутъ много воды. На Келенчикѣ въ верхнемъ его теченіи для переправы устроенъ мостъ, что указываетъ на многоводіе и стремительность потока.

За этой группой саявъ имѣется небольшой, лѣтомъ пересыхающій, сай Кизылъ-джаръ, берущій начало изъ снѣговъ лежащихъ въ складкахъ хребта красноватыхъ горъ, отдѣляющихъ западную часть Акъ-тау съ вышеперечисленными саями отъ рѣки Арашанъ. Гряда этихъ красноватыхъ горъ почти лишена травяной растительности. Нѣтъ на ней зарослей господствующихъ на Акъ-тау травъ горно-степной флоры, но зато на этой грядѣ есть единичные экземпляры арчи, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ. Я насчиталъ въ бинокль до 11 арчей на этой грядѣ.

За грядой этихъ красныхъ горъ течетъ самый большой изъ притоковъ р. Ангрена, р. Арашанъ.

Я проѣхалъ почти вдоль всего теченія рѣки Арашана и потому могу болѣе подробно остановиться на ней.

Р. Арашанъ начинается въ складкахъ горы Арашанъ, отдѣляющей бассейнъ Ангрена отъ бассейна Чаткала. Въ складкахъ этой горы образовались озера, изъ которыхъ я видѣлъ три: одно длиною $\frac{1}{2}$ версты и шириною отъ 20 до 50 саж. (величины эти приблизительныя, такъ какъ я не измѣрялъ озера, а на глазъ можно ошибиться не только въ горахъ на высотѣ 2800 метровъ, но и въ долинахъ); рядомъ съ этимъ озеромъ лежатъ два побочныхъ много меньше перваго. По словамъ бывавшихъ на истокахъ Арашана есть еще озеро выше въ складкахъ горъ, но я этого озера не видалъ. Большое изъ видѣнныхъ мною озеръ въ нижнемъ концѣ своемъ на высотѣ 2850 метровъ суживается и даетъ начало р. Арашану, который уступами среди дикихъ скалъ падаетъ внизъ извивающейся и бурно-шумящей лентой свѣтлой воды. Обогнувъ выступъ горы Арашанъ, рѣка того же имени въ четырехъ или пяти верстахъ отъ своего истока принимаетъ съ правой стороны два притока Чунгуль и Кара-сай, которые отдѣляютъ упомянутую выше гряду красноватыхъ горъ отъ склоновъ горы Арашанъ-тау. Принявъ эти два притока, рѣка Арашанъ вступаетъ на дно ущелья у восточной подошвы красноватыхъ горъ и, пройдя еще около пяти верстъ, выходитъ на небольшую долину Джаикъ, гдѣ имѣется бродъ черезъ р. Арашанъ. Долина эта находится на высотѣ 2390 метровъ и имѣетъ приблизительно 3 — 4 версты въ длину и около полутора верстъ ширины. Въ нижнемъ концѣ долины р. Арашанъ входитъ въ скалистое красивое своей дикостью ущелье, въ которомъ она принимаетъ слѣва многоводный притокъ Чаръ-булакъ, а далѣе у конца ущелья справа рѣчку Кокъ-джуунъ. Длина всего этого ущелья верстъ 5 — 6. За Кокъ-джуномъ Арашанъ выходитъ опять на ровную долину, гдѣ раздѣляется на два рукава. Въ концѣ долины рѣка снова входитъ въ скалистое ущелье, по которому и течетъ до самаго Ангрена. Послѣднй въ предѣлахъ Акъ-тау течетъ въ скалистомъ ущельѣ, почему и притоки его пробили себѣ русло въ такихъ скалистыхъ тѣснинахъ.

При устьѣ р. Арашанъ на скалахъ растетъ арча одиночными экземплярами или группами въ два-три дерева.

Верховья р. Арашана извѣстны среди всего туземнаго на-

селенія теплымъ ключемъ Арасанъ-булакъ, расположеннымъ на горѣ въ верстѣ отъ начала р. Арашанъ на высотѣ 2850 метровъ. Надъ этимъ ключемъ на горѣ стоятъ двѣ могилы святыхъ Джиржизъ Пейгамберъ и Солусъ Пейгамберъ, братъ которыхъ Идрисъ Пейгамберъ покойся въ долину Чаткала въ предѣлахъ Наманганскаго уѣзда. Могила Идрисъ Пейгамбера привлекаетъ лѣтомъ (въ іюлѣ) много паломниковъ, часть которыхъ считаетъ своимъ долгомъ пройти черезъ гору Арашанъ и выкупаться въ Арасанъ-булакѣ.

Источникъ этотъ находится на склонѣ горы, температура его по моимъ наблюденіямъ равнялась при выходѣ струи изъ арчеваго сруба $35,4^{\circ}$ С., а при входѣ въ срубъ $36,4^{\circ}$ С. Въ 1871 г. этотъ источникъ былъ изслѣдованъ бывшимъ окружнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ (тогда еще помощникъ) И. П. Суворовымъ. По его даннымъ, температура воды въ срубѣ равнялась $36,5^{\circ}$ С., а въ самомъ источникѣ $37,2^{\circ}$ С. Въ историческомъ очеркѣ Ташкентской химической лабораторіи, составленномъ Н. Б. Тейхомъ, приведены наблюденія надъ этимъ источникомъ, произведенныя 30 іюля 1871 г. въ 7 часовъ утра, 12 ч. и 7 ч. вечера, которыя при температурѣ воздуха въ $9,2^{\circ}$, $18,1^{\circ}$ и $9,1^{\circ}$ дали температуру воды неизмѣнно въ $37,2^{\circ}$ С. Мои наблюденія дали температуру внѣшняго воздуха въ 5° С. Я наблюдалъ температуру въ срубѣ и при выходѣ воды изъ сруба и получилъ, какъ сказано выше, въ первомъ случаѣ $36,4^{\circ}$, т.-е. на $0,1^{\circ}$ менѣе величины, наблюденной Суворовымъ, а при выходѣ изъ сруба — $35,4^{\circ}$. Въ самомъ источникѣ я воду не измѣрялъ. Давная въ $36,4^{\circ}$, при весьма возможной неточности моего термометра, показываетъ величину, одинаковую съ наблюденіемъ Суворова.

Кругомъ источника, особенно выше его, лежалъ снѣгъ, а самый день былъ холодный и дождливый. Это обстоятельство, однако, не помѣшало тремъ моимъ спутникамъ, лѣснымъ объѣзчикамъ (двумъ русскимъ и одному киргизу) выкупаться въ источникѣ.

Значеніе источника, какъ святаго мѣста, привлекло на Арасанъ-булакъ одного Башъ-кишлакскаго жителя, который, какъ и его предки, считаетъ себя шейхомъ — хранителемъ могилъ святыхъ и источника Арасанъ-булакъ. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ ниже теплаго источника этотъ шейхъ построилъ изъ

Время.		Мѣсто наблюденія.	Анероидъ.		Сухой термо- метръ.	Смоченный.	Минимальный.	Прочія наблюденія.
Числа юня	Часы.		Давле- ніе.	Высо- та въ ме- трахъ.				
15	10 ч. 25 утра	Той-Тюбе	719	470	32,2	—	—	Ясно.
	3 ч. 40 п.	Ханабадъ.	705	650	31,8	27,2	—	
	9 ч. веч.	Карактай.	700	700	21,4	20,4	—	
16	7 ч. утра	Карактай.	700	700	23	20,6	18	Облачно.
	3 ч.	Аблыкъ.	643	900	28,8	24,2	—	Облачно.
	9 ч.	Туркъ.	672	1040	22,5	21,2	—	Облачно. Вѣтеръ NE ↗
17	7 ч. утра	Туркъ.	671	1045	22	18,8	18,5	Пасмурно. Вѣтеръ NO.
	10 ч. 40 м.	Джабланъ.	646	1380	—	—	—	Ясно.
	1 ч. 45 м.	Ирташъ.	644	1410	—	—	—	1 ч. ☁ ● ▲
	4 ч. 40 м.	Кизылча.	599	1990	15,2	15,4	—	☁ ● * (на горѣ Ки- зылча).
	8 ч. 30 м.	Тамъ же.	599	1990	13	12	—	П. ☁ ●
18	6 ч. утра	Тамъ же.	—	—	13,8	12,2	6,5	Ясно.
	10 ч. 30 м.	Келенчикъ.	573	2360	15,8	—	—	11 ч. ☁ ●
	4 ч. 45 м.	Арашанъ-сай.	581	2240	10,4	—	—	●
	9 ч.	Арасанъ-булакъ.	543	2800	6	7,5	—	↗ ≡ ●
19	7 ч. утра	Арасанъ-булакъ.	541	2830	5,8	7,4	3	Съ утра дождь до 11 ч.
	2 ч. дня	Джаикъ.	571	2390	—	—	—	●
	9 ч.	Арашанъ-сай.	582	2240	7,6	13,2	—	За ночь вершины Ара- шанъ-тау покрылись снѣгомъ.
20	7 ч. утра	Тамъ же.	582	2240	8,4	8,4	4	
	12 ч.	Близъ Ташъ-сая.	589	2140	14,8	15	—	Въ 2 часа дождь.
	9 ч.	Бешъ-куль къ западу отъ Лашинъ-кѣя.	596	2040	9	11	—	Ясно.
21	7 ч.	Тамъ же.	597	2030	12,5	13	—	Ясно (минимальный термометръ былъ сдви- нутъ любопытной жен- щиной).
	1 ч.	Зыгирикъ.	616	1760	19,8	17,2	—	Ясно.
	9 ч.	Близъ Турка.	669	1070	18,2	17,8	—	Ясно.
22	7 ч. утра	Тамъ же.	667	1100	18	15,8	14,6	Ясно.
	3 ч.	Джигерсенъ-сай на лѣ- вомъ берегу Ангрена.	620	1700	24,6	21,2	—	Ясно.
	9 ч.	Аблыкъ.	681	930	18,6	18	—	Ясно.
23	7 ч. утра	Тамъ же.	681	930	21,2	18,4	16,5	Ясно.

камней саклю, въ которой проводитъ лѣто и принимаетъ богомольцевъ, питаясь за счетъ dobroхотныхъ пожертвованій. Сакля его низкая, плохо крытая, такъ что въ дождь во многихъ мѣстахъ протекаетъ.

Во время своей поѣздки на Акъ-тау я велъ дневникъ метеорологическихъ наблюденій по анероиду высотомѣру Naudet, по сухому, смоченному и минимальному термометру. Несмотря на кратковременность моей поѣздки, я позволю себѣ цѣликомъ привести записи моего метеорологическаго дневника, отчасти характеризующаго мѣстныя условія (см. стр. 9).

Наблюденія я началъ производить съ селенія Той-тюбе, а кончилъ ихъ въ сел. Аблыкъ на обратномъ пути.

Если считать началомъ Акъ-тау верховья Кизылча-сая, то по даннымъ моихъ наблюденій эта мѣстность самая низкая. Далѣе же все Акъ-тау находится на высотѣ свѣше 2000 метровъ, т.-е. свѣше 6500 футовъ. На днѣ Ташъ-сая 20 іюня анероидъ показывалъ 2190 метровъ, а на днѣ Алмалы-сая — 2080.

Рѣка Арашанъ была крайнимъ пунктомъ моей поѣздки. Восточнѣе ея продолжается Акъ-тау, и тамъ, по словамъ туземцевъ, текутъ еще слѣдующіе притоки Ангрена: Кинсазъ и Акъ-ташъ.

Такимъ образомъ правыми притоками Ангрена отъ его верховьевъ являются: Акъ-ташъ, Кинсазъ, Арашанъ съ притоками справа Чунгуль, Кара-сай и Кокъ-джунъ и слѣва Чоръ-булакъ, далѣе текутъ въ Ангренъ Кизылъ-джаръ, Ташъ-сай, Бешъ-юмуртка и Келенчикъ (послѣдніе три соединяются въ одинъ сай), Джакъ-арча, Алмалы 1, Алмалы 2, Лашинъ-кія, Ирташъ съ лѣвыми притоками Зыгирикъ и Кизылча, Кокъ-сарай, Джабланъ, Айры 1, Айры 2, Четъ-су, Камышъ-башъ у Турка, Дукентъ, Кара-бау, Самарчукъ, Акча-сай и Шавазъ-сай. Послѣдній впадаетъ въ Ангренъ, проходя мимо кишлака Ханабадъ.

Съ Акъ-тау въ долину Чаткала имѣется три перевала: Акъ-тау черезъ гору Арашанъ-тау, по этому перевалу идутъ паломники на Идрисъ-пейгамберъ, Кинъ-сазъ и Айри-кечу. Затѣмъ на лѣвомъ берегу Ангрена въ г. Кокандъ дорога идетъ черезъ перевалъ Камчикъ.

Акь-тау, какъ я сказалъ выше, служить лѣтнимъ выпасомъ скота. Признаться я желалъ увидѣть на этихъ горныхъ пастбищахъ извѣстныя кормовыя травы. Туркестанская, однако, флора, своеобразная въ степи и почти совершенно не изученная въ отношеніи кормовъ, также своеобразна и на горахъ. Еще на Зыгирикѣ я любовался роскошнымъ ковромъ кормовыхъ растеній, извѣстныхъ въ литературѣ, каковы: бѣлый и красный клеверъ, вика и разные виды злаковъ (ежа, пырей, овсяница), но на Акь-тау этихъ травъ не было. Господствующими травами были два вида *Fegul*'ы, называемые туземцами Шашыръ (майданъ-шашыръ и буйра-шашыръ). Эти два вида рѣзко отличаются по формѣ своихъ листьевъ. Огромные перисто разсѣченные листья этихъ травъ напоминаютъ собою волосы, до того мелко разсѣчены листья, но у майданъ-шашыра эти листочки прямые, а буйра-шашыра—курчавы. Сходство съ волосами и дало этимъ растеніямъ названіе шашыръ. Имѣя толстый, глубоко сидящій корень, при разрѣзѣ выделяющій бѣлый млечный сокъ, быстро на воздухъ густѣющій и клейкій, шашыры отъ шейки корня выбрасываютъ пучокъ своихъ листьевъ, а изъ середины выбрасываютъ высокую, выше роста человѣка цвѣтоножку, увѣнчанную зонтиками желтыхъ цвѣтковъ. Кусты шашыровъ густо затѣняютъ почву и потому почти вытѣснили другія растенія. Только на низкихъ долинахъ, какова долина Джаикъ, нѣтъ шашыровъ—ихъ смѣняетъ мелкая трава. Два вида шашыровъ имѣютъ различное географическое распространеніе. Отъ Джаблана до Зыгирика я не встрѣчалъ буйра-шашыръ, а видѣлъ только майданъ-шашыръ. Отъ Зыгирика до Ташъ-сая господствуютъ оба вида, но за Ташъ-саемъ царить буйра-шашыръ.

Однако, кромѣ шашыровъ, окрашивающихъ всѣ склоны горъ въ желтый цвѣтъ, встрѣчается еще растеніе, называемое туземцами минъ-тумаръ. Имѣя массу длинныхъ мелкихъ корешковъ, расходящихся ниже шейки корня, минъ-тумаръ несетъ пучокъ сочныхъ листьевъ шириною 4 вершка, а длиною 6 и 7 вершковъ (у крупныхъ экземпляровъ) и стрѣлку, густо покрытую желтыми цвѣтами. Минъ-тумаръ мѣстами совершенно вытѣсняетъ шашыры и покрываетъ собою склоны горъ. Густо переплетаясь своими корнями, минъ-тумаръ болѣе чѣмъ шашыръ мѣшаетъ расти другимъ травамъ, а потому участки, занятые имъ, не имѣютъ другой растительности.

Всѣ эти господствующія на Акъ-тау травы, окрашивающія склоны горъ въ желтый цвѣтъ, имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ они служатъ кормомъ для скота. Изъ этихъ травъ буйра-пашыръ ѣдятъ всѣ животныя. Я ѣлъ на берегахъ Арашана коровье масло. Оно имѣло прекрасный желтый цвѣтъ и было вкусно. Майданъ же пашыръ и минъ-тумаръ служатъ кормомъ только для барановъ, которыхъ и пригоняются на Акъ-тау большіе гурты.

Горныя пастбища Акъ-тау эксплуатируются почти исключительно подъ выпасъ скота, принадлежащаго гуртовщикамъ-скототорговцамъ.

Главную группу этихъ скотопромышленниковъ составляютъ кипчаки Ашской и Чадакской волостей Наманганскаго уѣзда; которые въ числѣ 84 кибитокъ ежегодно пригоняютъ на Акъ-тау скупаемый ими въ Туркестанѣ, Аулиеата и Семирѣчьи скотъ; послѣдній, откормленный на горныхъ пастбищахъ, гонится на рынки Ферганы. Однако, скотъ этотъ гонится на рынки, главнымъ образомъ въ г. Кокандъ, небольшими партіями, съ такимъ расчетомъ, чтобы усиленнымъ пригономъ не понижать цѣнъ на рынкѣ.

Кипчаки Наманганскаго уѣзда всѣ имѣютъ земли въ предѣлахъ своихъ обществъ, и имѣютъ еще багарныя земли въ Аблыкской волости, Ташкентскаго уѣзда. Какъ искусственно-орошаемыя, такъ и багарныя земли эти Наманганцы сдаютъ въ аренду на началахъ музориата, т.-е. изъ доли урожая, а сами все лѣто съ семьями проводятъ на Акъ-тау.

По словамъ этихъ кипчаковъ, они съ давнихъ поръ пользуются Акъ-тау для пастбы скота, при чемъ это пользованіе по старинѣ привело къ тому, что они всегда пользуются опредѣленными районами, а именно всей восточной частью Акъ-тау за рѣкой Арашанъ, долиной Джайкъ, пастбищами между Арашаномъ и Ташъ-саемъ и нижней частью Джакъ-арча-сая.

Вторую группу лицъ, пользующихся Акъ-тау для пастбы скота, представляютъ 11 кибитокъ киргизъ Уральской волости Ходжентскаго уѣзда и 3 кибитки изъ Ирджарской волости того же уѣзда. Первыя останавливаются на Лашинъ-кѣя, а вторыя въ верховьяхъ Кизылча-сая и Джакъ-арча-сая. Рядомъ съ послѣдними стали недавно гонять свой скотъ на Акъ-тау и крестьяне Надеждинскаго поселка въ числѣ 3 человекъ.

Наконецъ третью группу составляютъ жители Аблыкской и Пскентской волостей Ташкентскаго уѣзда, числомъ 18 хозяевъ. Жители Пскентской волости пользуются верховьями Джакъ-арча-сая, а жители Аблыкской волости числомъ 17 пользуются пастбищами на Келенчикъ (состоятельные) и на Бешъ-кулъ западнѣе Лашинъ-кія. На Бешъ-кулъ откочевываютъ мало состоятельные жители Башъ-кишлакского общества.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ 120 хозяйствъ только 21 хозяйство можетъ быть отнесено къ малоимущимъ—это 11 хозяйствъ Башъ-кишлакского общества и 10 хозяйствъ киргизъ Уральской волости; остальные же 99 хозяевъ представляютъ гуртовщиковъ скототорговцевъ, выпасывающихъ на Акъ-тау, по приблизительнымъ даннымъ, около 300.000 головъ барановъ, не считая крупнаго скота въ количествѣ двухъ тысячъ головъ.

Такимъ образомъ можно считать мѣстность Акъ-тау не лѣтовочнымъ угодемъ киргизъ-кочевниковъ, а преимущественно горными пастбищами гуртовщиковъ скототорговцевъ. Вѣроятно раньше Акъ-тау служило для лѣтовокъ кочевниковъ, но съ теченіемъ времени развитіе осѣдлости въ Ташкентскомъ и Наманганскомъ уѣздахъ повело къ сокращенію кочевовъ, а требованія промышленныхъ центровъ на мясные продукты вызвало къ жизни обширную торговлю скотомъ. На рынки Ташкента и Ферганы скотъ гонится изъ Семирѣченской области и кочевыхъ районовъ Сыръ-дарьинской, но гонится не кочевниками, а скототорговцами, которые и стали пользоваться горными пастбищами, а въ томъ числѣ и пастбищами на Акъ-тау. Остаткомъ прежняго порядка могутъ служить лишь тѣ малоимущія 21 хозяйство, о которыхъ я сказалъ выше. Изъ нихъ Башъ-кишлакцы откочевываютъ не далеко отъ своихъ земельныхъ угодій, а 10 кибитокъ киргизъ Уральской волости кочуютъ за нѣсколько десятковъ верстъ пока еще имѣютъ возможность откочевывать изъ своей волости. Съ прекращеніемъ кочевовъ этихъ 21 хозяевъ Акъ-тау всецѣло будетъ служить лишь для пастбы гуртового скота, до тѣхъ поръ, пока экономическое развитіе края не вызоветъ возникновенія въ горахъ раціональнаго скотоводства съ молочнымъ хозяйствомъ и сыровареніемъ, а гдѣ возможно и земледѣлія.

II. Въ верховьяхъ Пскема.

7 іюля вечеромъ я выѣхалъ изъ Ташкента и, переночевавъ одну ночь въ сел. Троицкомъ, а другую на Акъ-ташѣ, гдѣ производятся горно-культурныя лѣсныя работы, 9 іюля послѣ заката солнца пріѣхалъ въ Нанай черезъ сел. Бричъ-мулла, а 10 утромъ я выѣхалъ дальше по горной тропинкѣ на вишпакъ Пскемъ.

Узкая тропинка идетъ по правому берегу р. Пскема, то по крутому склону, падающему въ рѣку, то отклоняясь отъ него и выходя на террасы, занятые полями Нанайскихъ таджиковъ. На всемъ своемъ протяженіи до половины пути къ сел. Пскемъ дорога эта идетъ среди группъ и одиночныхъ деревьевъ алычи, каркаса, горныхъ кленовъ и тополей, орѣха и изрѣдка арчи. Чтобы дополнить перечень главнѣйшихъ представителей лѣсной растительности, нужно упомянуть еще о дикомъ виноградѣ, который высоко поднимается по деревьямъ и скаламъ, а также про два вида миндаля—высокоствольнаго и карликоваго, лѣпящагося по склонамъ горъ. Отдѣльно стоящія деревья зачастую встрѣчаются среди люцерновыхъ и другихъ полей. Верстахъ въ 15—20 отъ Наная я видѣлъ группу очень высокихъ и старыхъ тополей, поражающихъ своей толщиной. Деревья эти, по словамъ живущаго рядомъ туземца, имѣютъ болѣе ста лѣтъ. Возлѣ самаго толстаго тополя пробивается родникъ, а на вѣтвяхъ повѣшены тряпочки—знакъ того, что къ этимъ деревьямъ обращались съ молитвой женщины. У этихъ тополей мой anerоидъ показывалъ 1085 метровъ.

На половинѣ пути изъ Наная въ Пскемъ дорога спускается въ глубокий сай Тапыръ-сай. Anerоидъ передъ спускомъ показывалъ 1210 метровъ, а на днѣ сая—1140 метровъ. Тапыръ-сай выше въ горахъ составляется изъ трехъ саявъ Кокъ-кузъ, Курукъ-сай и Алмалыкъ.

Далѣе Тапыръ-сая дорога пересѣкаетъ еще два сая, Така-янпакъ и Урунпашъ.

Сел. Пскемъ, куда я пріѣхалъ на закатѣ солнца, расположено на широкой террасѣ, которая начинается отъ Тапыръ-сая и кончается у сел. Пскемъ. Такимъ образомъ весь путь отъ Тапыръ-сая до Пскема идетъ не по узкой тропинкѣ,

висящей надъ Пскемомъ, а въ довольно значительномъ удаленіи отъ рѣки.

Пскемъ расположенъ на высотѣ около 1400 метровъ по обѣ стороны сая Пскемъ, протекающаго въ довольно глубокомъ оврагѣ и недалеко отъ селенія, впадающаго въ рѣку того-же названія. По дну сая и мѣстами на высотахъ растутъ орѣховыя деревья, но въ самомъ селеніи нѣтъ ни одного дерева.

Дорога изъ сел. Пскемъ идетъ далѣе по узкой тропинкѣ на склонѣ къ рѣкѣ. Весь склонъ этотъ лессовый, мѣстами изрытый дождевыми потоками. Скалъ и большихъ камней нѣтъ, но нѣтъ также и растительности.

Версты черезъ двѣ дорога подымается на высоты и идетъ все время по широкой, слегка волнистой террасѣ, пересѣкаемой двумя глубокими саями съ протекающими по дву ихъ бурными рѣчками Кара-кызъ и Анда-ульганъ.

Изъ этихъ двухъ саявъ глубже Кара-кызъ, но въ то же время онъ и красивѣе. Подѣзжая къ спуску, еще не видать всей красоты этого сая: его не видно за округлыми возвышенностями. Нужно подѣхать къ самому началу спуска, чтобы увидѣть тропинку, вьющуюся внизъ среди столѣтнихъ арчей, которыми покрытъ весь правый южный склонъ Кара-кыза. Спускъ начинается съ высоты 1450 метровъ и идетъ, извиваясь и постепенно спускаясь среди лѣса на дно сая, лежащее на высотѣ 1320 метровъ, къ мосту, перекинутому съ одного выступа конгломерата на другой. Нѣсколько выше моста южный склонъ сая обнаженъ отъ всякой растительности, такъ какъ видимо весною былъ тутъ оползень. Красноватая глина завалила русло Кара-кыза, такъ какъ по направленію оползня лежитъ у лѣваго берега большое количество красной глины.

Мостъ довольно ненадежный, и я съ своими проводниками перехожу пѣшкомъ.

Насколько красивъ южный склонъ Кара-кыза и самое дно сая, бѣшено мчащагося среди лѣса, настолько бѣденъ красотой сѣверный склонъ, кое-гдѣ только покрытый рѣдко стоящими лиственными деревьями (тополь, каркасъ и береза). Подъемъ на лѣвый берегъ кончается на высотѣ 1500 метровъ, послѣ чего дорога идетъ опять по широкой волнистой, пересѣченной небольшими хребтиками террасѣ.

Слѣдующій сай—Анда-ульганъ переѣхали по мосту близъ послѣдней мельницы одного пскемскаго таджика. Сай этотъ уже

принято называть Анда-ульганъ, но мнѣ таджики сказали, что онъ зовется Одина-ульганъ, при чемъ рассказали легенду про два сая, Кара-кызъ и Одина-ульганъ. Одина былъ молодой человѣкъ, который, влюбившись въ дѣвицу Кара-кызъ, увезъ ее изъ родительскаго дома. Братъ Кара-кызъ поѣхалъ въ погоню и сначала убилъ сестру, а потомъ и ея похитителя. Тамъ, гдѣ погибли Кара-кызъ и Одина, и появились два сая, при чемъ сай на мѣстѣ смерти Кара-кызъ покрылся лѣсной растительностью, тогда какъ сай Одина-ульганъ много бѣднѣе его.

Слѣдующій за Анда-ульганомъ сай, Кара-бау, протекаетъ въ очень пологой ложинѣ, густо заросшей горнымъ тополемъ. Самая рѣчка Кара-бау течетъ въ этомъ лѣсу нѣсколькими руслами. Мѣстами погибшія деревья перегородили ручей своими стволами, заставляя воду еще болѣе разливаться. Лощина Кара-бау сливается съ долиной р. Пскемъ, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ не въ тѣсномъ ущельѣ. Горы праваго берега нѣсколько отступаютъ и образуютъ довольно широкую и ровную долинку, поросшую тополемъ. Въ тѣни этихъ топей мы устроили привалъ, послѣ котораго поѣхали дальше по самому неудобному пути, такъ какъ горы снова сомкнулись и на протяженіи пяти-шести верстъ до начала рѣки Пскемъ, т.-е. до сліянія рѣкъ Майданталъ и Ойгаингъ, узкая тропинка вьется среди камней и отдѣльно стоящихъ деревьевъ по склону горы подъ угломъ въ 50° — 60° . Склонъ горы падаетъ прямо въ рѣку, по скалистому руслу бурно протекающему внизъ. Отдѣльно стоящія по склону деревья часто идутъ по самому берегу рѣки, которая какъ бы окаймлена рамкой изъ тополя, тала, березы и, изрѣдка, арчи. Мѣстами тропинка пересѣкаетъ большія каменистыя осыпи, идущія отъ высоко стоящихъ отвѣсныхъ скалъ къ берегу рѣки. То и дѣло изъ подъ ногъ лошадей скатываются камни и летятъ внизъ къ берегу рѣки, по дорогѣ увлекая за собою другіе. По этимъ осыпямъ тропинка вьется вверхъ на твердо стоящія скалы, а затѣмъ очень круто зигзагами спускается внизъ. Насколько круты эти спуски, можно судить потому, что нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ мѣстныхъ горцевъ, привыкшихъ уже ко всякимъ опасностямъ горныхъ путей, не рѣшались спускаться верхомъ на лошади, а довѣрялись лишь своимъ ногамъ.

Солнце склонялось къ горнымъ вершинамъ, когда окончилась трудная часть пути: тропинка спустилась къ рѣкѣ Пскему,

горы отошли влѣво и изъ-за вершинъ лѣса открылся видъ на три, сходящіяся въ одно, ущелья. То были ущелья Майданта, Ойгаинга и Чоръ-Альмы, послѣдняго лѣваго притока Ойгаинга, впадающаго въ послѣдній передъ сліяніемъ съ Пскемомъ.

Въ этомъ узлѣ трехъ ущелій, соединяющихся въ одно Пскемское, образуется долина, густо заросшая у береговъ рѣкъ тополемъ, березой, таломъ, многими кустарниками, а также арчей. Этотъ смѣшанный лѣсъ спускается внизъ по берегамъ Пскема, образуя упомянутую мною кайму, которая, ближе къ сліянію Майданта и Ойгаинга, становится все гуще и гуще, такъ что съ вѣтрѣхъ склоновъ, по которымъ вьется тропинка, видна лишь середина рѣки Пскемъ. Въ долинѣ же лѣсъ совершенно закрываетъ рѣку и самое сліяніе я не видѣлъ, спѣша еще засвѣтло добратъся до ночлега. Только на большой лѣсной полянѣ раздвинувшійся лѣсъ позволялъ любоваться бурно мчащейся рѣкой, на противоположномъ берегу которой низко стоящія березы и талы купали свои вѣтки въ водѣ. Широкая долина перерѣзана вдоль небольшимъ русломъ, по которому стекаетъ часть Майданта-льскихъ водъ, а на лѣсной полянѣ имѣется два сухихъ русла, по которымъ разливается р. Пскемъ. Поднявшись вверхъ по Майдантау среди скалъ и деревьевъ, при встрѣчѣ съ которыми приходится низко наклоняться къ луку, чтобы не царапать лицо сучками, переправившись по зыбкому мосту черезъ бурно мчащіяся свѣтлыя воды Майданта и выбравшись изъ лѣса на горную террасу, я вѣхалъ на урочищѣ Кокренъ-чатъ, лежащее между рѣками Майданта и Ойгаинга. Это урочище со стороны Майданта перерѣзано вдоль скалистымъ конечнымъ отрогомъ Ойгаингскаго хребта, служащаго водораздѣломъ между Ойгаингомъ и Майданталомъ, а къ сторонѣ Ойгаинга спускается нѣсколькими широкими террасами, густо поросшими роскошной луговой травой, по которой ѣдешь какъ по бархатному мягкому ковру.

На верхней террасѣ Кокренъ-чата я и остановился на ночлегъ на высотѣ 1690 метровъ.

Впереди за Ойгаингомъ виднѣлись склоны горъ, на которыхъ въ одномъ мѣстѣ пріютился довольно частый арчевый лѣсокъ, а нѣсколько выше его виднѣлся большой клочокъ багарной пашни, послѣдняго признака земледѣльческой куль-

туры въ Пскемскомъ ущельѣ. Выше уже не было никакихъ слѣдовъ на земледѣльческую культуру: начиналось исключительно скотоводческое пользованіе дарами природы и пользованіе при томъ съ давнихъ поръ кара-киргизами Куркуреуской волости Ауліеатинскаго уѣзда.

12 іюля я выѣхалъ съ Кокренъ-чата вверхъ по Ойгаингу. Ущелье съ праваго берега рѣки составляетъ продолженіе Кокренъ-чатскихъ террасъ и, имѣя общій склонъ къ рѣкѣ, террасами поднимается къ Ойгаингскому хребту, вершина котораго, полого спускающаяся къ Кокренъ-чату, далѣе все рѣзче и рѣзче выступаетъ обрывистыми скалами-пиками. Ойгаингскій хребетъ на нѣсколько верстъ вверхъ по рѣкѣ спускается къ ней террасами, тогда какъ противоположныя горы лѣваго берега обрывистыми скалами падаютъ въ рѣку, которая какъ бы прижимается къ этимъ обрывистымъ скаламъ. За этими топографическими отличіями праваго и лѣваго береговъ нижней части Ойгаингскаго ущелья слѣдуетъ и отличіе во флорѣ. Правый берегъ Ойгаинга чаще поросъ березой чѣмъ лѣвый. Притоки Ойгаинга хотя и тѣ и другіе, и правые и лѣвые, представляютъ собою небольшіе ручьи снѣговой воды, вытекающей изъ лежащихъ въ складкахъ горъ снѣговъ, но отличаются другъ отъ друга, во-первыхъ, тѣмъ, что правые стекаютъ по пологимъ склонамъ, а лѣвые водопадами спускаются къ рѣкѣ, а во-вторыхъ тѣмъ, что ручьи праваго берега всѣ протекаютъ среди зарослей лѣса, главнымъ образомъ, березы.

Притоки эти незначительны и зачастую два или три ручья несутъ одно и то же названіе. Причина тому та, что киргизы даютъ названіе цѣлымъ урочищамъ, а не отдѣльнымъ ручьямъ, и понятно, что всѣ ручьи, протекающіе по тому или другому урочищу, носятъ одно и то же названіе. Съ другой стороны названія даются высокимъ пикамъ горъ.

Чтобы облегчить чтеніе дальнѣйшаго изложенія, я приведу названіе тѣхъ ручьевъ которые впадаютъ въ Ойгаингъ справа и слѣва, начавъ этотъ перечень съ урочища Кокренъ-чатъ, по которому стекаетъ въ Ойгаингъ незначительный ручей, многоводный лишь весною и въ началѣ лѣта, когда еще есть снѣгъ на оконечности Ойгаингскаго хребта.

Выше Кокренъ-чата правыми притоками Ойгаинга являются: Куяу-джуль очень небольшой ручей, Кара-баткакъ—нѣсколько ручьевъ, протекающихъ въ березовыхъ лѣсахъ по

берегамъ cadaго, Текешъ, два довольно многоводныхъ ручья, впадающихъ въ Ойгаингъ на разстояніи 2 верстъ одинъ отъ другого, оба также текутъ въ березовыхъ лѣсахъ, Аю-Туръ—также въ нижнемъ теченіи протекаетъ въ березовомъ лѣсу. За Аю-Туромъ правый берегъ подходитъ вплотную къ рѣкѣ, и только черезъ нѣсколько верстъ начинаются снова ручьи, притоки Ойгаинга, если не считать безымяннаго ручейка изъ снѣговъ, просачивающагося подъ каменистою осыпью и впадающаго въ Ойгаингъ, протекая очень короткое разстояніе отъ выхода изъ подъ каменистой осыпи до р. Ойгаинга. Выше этого ручья съ правой стороны впадаетъ въ Ойгаингъ Сарбашъ-сай, начинающійся у подножья скалъ, за которыми лежатъ верхніе Чотанскіе ледники. Сарбашъ-сай уже не окаймленъ лѣсомъ. Выше Сарбашъ-сай впадаетъ Тюсь-ашу, начинающійся въ складкахъ горы Чонгъ-ташъ, на сѣверо-восточномъ склонѣ которой лежитъ ледникъ Тюсь-ашу, питающій рѣчку Чонгъ-ташъ, впадающую въ Баркракъ, притокъ Куркуреу (въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ). Вотъ всѣ правые притоки Ойгаинга, изъ которыхъ я не видалъ только рѣчки Тюсь-ашу и свѣдѣнія о ней исключительно разспроснаго характера. Изъ видѣнныхъ мною самыми большими являются два Текеша, Аю-туръ и Сарбашъ, но всѣ эти притоки уступаютъ большимъ притокамъ лѣваго берега.

Притоки съ лѣвой стороны, также начиная съ нижняго теченія, являются: Чоръ-Альма, большая рѣчка мною не посѣщенная и о ея притокахъ я свѣдѣній не собиралъ. Выше Чоръ-Альмы Ойгаингъ идетъ близко къ хребту до долины у устьевъ Текеша и Аю-тура. На этомъ разстояніи въ Ойгаингъ впадаютъ небольшіе ручьи: Бешъ-туръ, Кульдамъ-башъ и Кокъ-саке. Это рядъ мелкихъ ручьевъ, протекающихъ по урочищамъ того же названія. Выше Кокъ-саке правый и лѣвый берегъ мѣняются своей топографіей. Крутые склоны идутъ до Сарбашъ-сай по правому берегу, а пологія террасы по лѣвому, тогда какъ до этого мѣста въ нижнемъ теченіи Ойгаинга замѣчается обратное расположеніе горъ. На террасахъ лѣваго берега самый первый и самый большой изъ видѣнныхъ мною притоковъ—Кокъ-су, передъ впаденіемъ въ Ойгаингъ раздѣляющійся на два русла. Цвѣтомъ воды Кокъ-су ¹⁾

¹⁾ Кокъ-су—голубая вода. Кокъ-су протекающая у Бричъ-муллы имѣетъ чудный бирюзовый цвѣтъ.

оправдываетъ свое названіе, хотя она много уступаетъ въ этомъ отношеніи своей одноименницѣ, протекающей у селенія Бричъ-Мулла. Ойгаингская Кокъ-су вытекаетъ изъ горъ, обильно покрытыхъ снѣгомъ и по приблизительному расположенію ущелья сначала имѣетъ направленіе съ юго-запада, но потомъ, принявъ идущій съ юго-востока притокъ Тюндюкъ, поворачиваетъ на сѣверъ. При впаденіи въ Ойгаингъ по берегамъ Кокъ-су растутъ деревья, но не образуютъ лѣсковъ, какіе имѣются по теченію Текеша и Аю-тура. За Кокъ-су въ Ойгаингъ впадаетъ небольшой ручей Кошъ-булакъ, а далѣе опять большой притокъ Баркракъ, по величинѣ уступающій Кокъ-су. Выше Баркрака течетъ Тюя-карынъ, небольшой ручей. Выше Тюя-карына я не былъ, но, по словамъ киргизъ, притоками Ойгаинга тамъ являются рѣчки Акъ-капчигай, по величинѣ равная Кокъ-су, и Тасъ-таръ—равная Баркраку, какъ равно такой же величины и правый притокъ Ойгаинга Тюсъ-ашу. Тасъ-таръ слѣва и Тюсъ-ашу справа первые притоки Ойгаинга, который начинается въ нѣсколькихъ верстахъ выше устья Тюсъ-ашу у подножья горы Шавыръ, черезъ которую идетъ перевалъ въ долину рѣки Сандалашъ въ бассейнѣ Чаткала. У подножья Шавыра находится озеро, служащее стокомъ снѣговъ съ горы Шавыръ. Ниже этого озера большая каменистая осыпь, изъ подъ которой и просачивается не далеко отъ озера Ойгаингъ рѣчкой, по размѣрамъ равной Кокъ-су.

Г. Леоновъ въ 1897 г., проѣхавшій въ верхнемъ теченіи р. Ойгаинга съ перевала Манасъ, упоминаетъ еще объ одномъ правомъ притоцѣ Ойгаинга о рѣчкѣ Карагыръ. Это названіе мнѣ говорили киргизы на Кокрекъ-чатѣ, но въ верхнемъ теченіи Ойгаинга, когда я спрашивалъ про истоки Ойгаинга слово Карагыръ уже не упоминалось.

Отъ этого общаго описанія ущелья Ойгаинга и его притоковъ перейду къ нѣкоторымъ деталямъ, занесеннымъ въ мою записную книжку.

Правый хребетъ горъ, отдѣляющихъ ущелье Ойгаинга отъ ущелья Майдантала, увѣнчанъ остроконечными, обрывистыми скалами самой причудливой формы. Въ складкахъ этихъ пиковъ лежитъ снѣгъ, дающій начало всѣмъ правымъ притокамъ. Большихъ ущелій нигдѣ нѣтъ. Круты эти горы только на вершинахъ, гдѣ выступаютъ причудливыя скалы. Отъ подножья же послѣднихъ хребетъ спускается къ рѣчкѣ пологими

террасами, осыпанными скалами. Пастбищныя мѣста на этихъ террасахъ не образуютъ очень большихъ участковъ. Обломки скалъ, лежащіе внизу у тропинки, по которой я ѣхалъ между рѣчкой Кара-баткакъ и Текешемъ, испещрены овальными и круглыми выбоинами. На нѣкоторыхъ скалахъ выбоины эти идутъ одна надъ другой. Выбоины эти находятся на той сторонѣ скалъ, которая обращена къ рѣкѣ Ойгаингу. Выше по Ойгаингу такихъ скалъ я не видѣлъ.

Вѣроятно эти выбоины есть продуктъ вывѣтриванія. Болѣе грандіозный продуктъ вывѣтриванія представляетъ скала Чатырь-ташъ на берегу рѣки Анда-ульганъ. Массивная скала эта у подножья своего до того вывѣтрилась, что образовался довольно большой портикъ, служащій пріютомъ для людей и скота отъ дождя. Въ этомъ портикѣ можетъ помѣститься нѣсколько сотъ барановъ ¹⁾).

Горы съ лѣвой стороны р. Ойгаинга отъ Чоръ-Альмы до Кокъ-саке не имѣютъ ущелій, а на вершинахъ ихъ скалы не имѣютъ той непрерывной цѣпи, какая наблюдается на вершинахъ праваго хребта. Отъ Кокъ-саке горы лѣвой стороны отходятъ и въ отдаленіи образуютъ ущелья, по которымъ текутъ Кокъ-су, притокъ послѣдней Тюндюкъ, и притокъ Ойгаинга—Баркракъ. На вершинахъ, съ которыхъ стекаютъ воды Кокъ-су и Баркрака, видны большіе снѣга. По словамъ киргизъ, ледниковъ тамъ нѣтъ.

Выше Баркрака горы лѣваго берега приближаются къ рѣкѣ Ойгаингу, спускаясь къ нему или частыми террасами или имѣя одинъ общій склонъ. Верховья Тюя-карына, гдѣ я ночевалъ на высотѣ 2570 метровъ, состоятъ изъ множества мелкихъ ручьевъ, стекающихъ со снѣговъ, лежащихъ по склонамъ округлыхъ вершинъ, лишенныхъ снѣга. На пути отъ Баркрака къ Тюя-карыну я переѣзжалъ черезъ довольно большой оползень, мѣстами еще грязный. Этимъ оползнемъ было сдвинуто нѣсколько приземистыхъ арчей.

Растительность по Ойгаингу въ нижнемъ его теченіи, а равно по берегамъ правыхъ притоковъ Кара-баткака, Текеша и Аю-тура—все преимущественно березовый лѣсъ и лѣсъ до-

¹⁾ Осенью 1904 г. я видѣлъ множество скалъ съ аналогичными выбоинами на горахъ у береговъ р. Чу въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя перерѣзываетъ горный кряжъ по пути къ озеру Иссыкъ-куль отъ Кочкарской долины.

вольно густой. Текешъ и Аю-туръ идутъ версты на 3—4 отъ Ойгаинга, скрытыми въ лѣсахъ, которые очень красиво выделяются среди скалъ и травянистыхъ полянъ. Притоки лѣваго берега очень мало лѣсисты. Только по Кокъ-су и Баркраку въ нижнихъ ихъ теченіяхъ имѣются деревья, но ихъ очень не много. Выше Кокъ-су горы лѣваго берега покрыты приземистой арчей, которая мѣстами занимаетъ сплошныя площади, не особенно впрочемъ большія. Высокоствольная же арча только встрѣчается въ нижней части Ойгаинга на правомъ берегу отдѣльными экземплярами, а на лѣвомъ, противъ Кокренъ-чата, образуя сплошной небольшой лѣсокъ.

Сама рѣка Ойгаингъ въ нижнемъ своемъ теченіи проходитъ однимъ русломъ бурнымъ могучимъ потокомъ. Но выше у устьевъ двухъ Текешей и Аю-тура Ойгаингъ разливается нѣсколькими руслами по широкой долинѣ, края которой у береговъ рѣки поросли березой. Въ этомъ мѣстѣ рѣка вполне доступна для переправы въ бродъ, при чемъ переѣздъ происходитъ черезъ два-три русла, образующія между собою галечные и песчаные острова. На послѣднихъ я къ удивленію своему увидѣлъ небольшіе кустарники гребенщика, не подозревая даже возможности видѣть на высотѣ 2115 метровъ этого представителя степныхъ тугаевъ по берегамъ р. Сыръ-дарьи и Аму-дарьи. Выше впаденія Аю-тура Ойгаингъ, какъ я сказалъ раньше, течетъ однимъ русломъ, прижимаясь къ правому берегу, который большой каменистой осыпью падаетъ въ рѣку отъ подножья вершинныхъ обрывистыхъ скалъ—пиковъ.

У устьевъ Баркрака и Кокъ-су Ойгаингъ опять дробится на рукава, а далѣе противъ Тюя-карына и Сарбаша идетъ однимъ русломъ. Лѣсъ по его берегамъ уже рѣдѣетъ, и начиная отъ устьевъ Кокъ-су и Баркрака береза видна отдѣльными, рѣдко расположенными экземплярами. Какъ высоко она поднимается по Ойгаингу—сказать не могу.

На урочищѣ Кокъ-саке я проѣзжалъ мимо небольшого круглаго озера на высотѣ 2.200 метровъ. Вода въ этомъ озеркѣ свѣтлая и чистая, но истока изъ него нѣтъ. Повидимому это было скопленіе растаявшаго снѣга.

Переночевавъ 12 іюля на Тюя-карынѣ, я утромъ 13 переправился нѣсколько выше устья Баркрака черезъ Ойгаингъ

и, поднявшись по покрытымъ шашыромъ ¹⁾ склонамъ, остановился у юрты, стоявшей на кручѣ на краю лощины, по дну которой протекаетъ Сарбашъ-сай. Отсюда вверхъ по Сарбашъ-саю я намѣревался перевалить въ ущелье р. Майданталъ и осмотрѣть Чотанскіе ледники. Мое однако намѣреніе не осуществилось, такъ какъ два киргиза проводника, приведя меня на верхній Чотанскій ледникъ спустили затѣмъ по леднику Тюсь-ашу въ долину рѣчки Чонгъ-ташъ въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, откуда я уже черезъ Майдантальскій перевалъ въ тотъ-же день 13 іюля пріѣхалъ часовъ въ 7 вечера къ устью р. Чотанъ. Несмотря однако на эту неудачу, путь мой доставилъ нѣсколько интересныхъ наблюденій.

На Сарбашъ-саѣ, на высотѣ 2530 метровъ, — густая заросль того вида *Fegul'*ы, который туземцы на Акъ-тау называли майданъ-шашыръ и который киргизы на Ойгаингѣ и Майданталѣ называютъ аю-шашыръ. Нужно замѣтить, что въ верховьяхъ Пскема, въ ущельяхъ Таласскаго Ала-тау, не замѣчается той рѣзкой разницы въ географическомъ распространеніи шашыровъ, какая была мною констатирована на Акъ-тау. Оба вида встрѣчаются всюду, поднимаются выше чѣмъ на Акъ-тау и въ противность Акъ-тау на верхнихъ пастбищахъ горъ преобладаетъ майданъ или аю-шашыръ надъ буйра-шашыромъ.

Со стоянки на Сарбашъ-саѣ я двинулся въ 11 часовъ утра вверхъ по гребню, у подошвы котораго въ глубокой лощинѣ течетъ Сарбашъ-сай, мѣстами заваленный снѣжными мостами. Дорога сначала шла по очень пологому подъему, изрѣдка покрытому обломками скалъ. На высотѣ около 2.800 метровъ кончается горно-степная флора, выступаютъ на поверхность обломки черныхъ сланцевъ, среди которыхъ растутъ уже альпійскія растенія (желтый макъ и нѣкоторыя луковичныя), а близко лежитъ снѣгъ. По снѣгу приходится ѣхать по болѣе крутому склону. Лошади неоднократно проваливаются въ снѣгу выше колѣна. Ёдемъ, дѣлая зигзаги, объѣзжая лошинки съ болѣе глубокомъ снѣгомъ. На высотѣ около 3.000 метровъ кончается снѣжное поле и начинается очень крутая каменистая осыпь, оканчивающаяся вверху выступами черныхъ

¹⁾ Эта *Fegula* и на Ойгаингѣ и на Майданталѣ представляетъ главную кормовую траву для барановъ, окрашивая склоны горъ въ желтый цвѣтъ.

сланцевъ, образующихъ рядъ ступеней. По осыпи уже тяжело идти лошадямъ. Я съ своими спутниками (переводчикъ сартъ и два проводника киргиза) лѣземъ по осыпи, а затѣмъ по ступенямъ изъ сланца наверхъ и на высотѣ 3.380 метровъ находимся уже на краю обширнаго пространства, заваленнаго снѣгомъ.

Отъ черныхъ скалъ слабый уклонъ идетъ въ противоположную отъ Ойгаинга сторону. Разстилающееся снѣжное поле представляетъ верховья р. Чотана. Влѣво отъ тѣхъ черныхъ скалъ, по которымъ я взобрался на вершину Ойгаингскаго хребта, начинался этотъ послѣдній хребетъ съ нѣсколькими высоко поднимавшимися пиками, только на вершинахъ, оголенныхъ отъ снѣга. У подошвы ближайшаго изъ пиковъ виднѣлось изъ подъ таявшаго снѣга озерко (оно нанесено на карту Чотанскихъ ледниковъ Б. Федченко). Прямо противъ меня поднимался другой хребетъ, отдѣляющій Чотанское ущелье отъ Майдантальскаго. Ближайшая вершина этого хребта конусообразный пикъ изъ черныхъ сланцевъ почти оголенъ отъ снѣга. Чотанское ущелье, обильно заваленное снѣгомъ, теряется среди изгибовъ двухъ отмѣченныхъ хребтовъ (Ойгаингскаго и Чотанскаго).

Вправо на границѣ снѣжнаго поля стоятъ невысокія обрывистыя скалы, затѣмъ виднѣется прорывъ между скалъ, за которымъ начинается спускъ. Далѣе опять стоятъ невысокія скалы, изъ-за которыхъ выступаетъ пикъ Чонгъ-Ташъ, своей оголенной отъ снѣга вершиной царящій надъ всей окружающей мѣстностью. Далѣе вправо продолженіемъ тѣхъ скалъ, изъ-за которыхъ выступаетъ Чонгъ-Ташъ, идетъ хребетъ, на сѣдловину котораго я поднялся по Сарбашъ-саю. Вся обширная площадь, ограниченная описанными хребтами и скалами, имѣя общій склонъ къ началу Чотанскаго ущелья, завалена снѣгомъ, изъ подъ котораго ближе къ Чонгъ-Ташу выступала гряда черныхъ сланцевыхъ обломковъ. То—морена верхняго изъ Чотанскихъ ледниковъ. Самого ледника не видно: вся мѣстность представляетъ обширное снѣжное поле.

Таковъ видъ имѣлъ этотъ узелъ у подошвы Чонгъ-Ташъ, узелъ, отъ котораго расходятся Ойгаингскій, Чотанскій и Майдантальскій хребты.

Мой переводчикъ и проводники киргизы заспорили куда ѣхать. Переводчикъ настаивалъ пересѣчь прямо снѣжное поле

и свернуть въ Чотанское ущелье, а проводники настаивали на поворотъ вправо къ виднѣвшемуся пролому среди скалъ.

Къ этому пролому мы и поѣхали. Наши лошади мѣстами проваливались въ снѣгу по брюхо.

Мертвенная красота всей окружающей мѣстности, отсутствіе жизни, неизвѣстность, что погребено подъ толщей снѣга, неизвѣстность, что ожидаетъ впереди за проломомъ среди скалъ, частые провалы лошадей въ глубокомъ снѣгу—все это вселяло какое-то жуткое настроеніе. Поднявшись на снѣжное поле съ Сарбашъ-сая въ 1 ч. 40 минутъ дня, мы въ 2 часа 50 минутъ добрались до пролома въ скалахъ, лежащаго на высотѣ 3670 метровъ.

Въ проломѣ виднѣлось другое обширное снѣжное поле, которое спускалось внизъ, дѣлая округлый изгибъ. Края горъ, окружающихъ это снѣжное поле, круто обрываются отвѣсными скалами, образуя большой циркъ. Впереди виднѣются двѣ огромныя морены, одна ближе, другая дальше. Снѣгъ, закрывающій весь глетчеръ Тюсь-ашу, довольно крѣпкій, лошади проваливались въ немъ только по колѣно да и то рѣдко. Пересѣкая этотъ ледникъ по прямой линіи по направленію къ ближайшей моренѣ, я три раза встрѣтилъ трещины на снѣгу. Шириною вершка $1\frac{1}{2}$ —2 эти трещины по прямой линіи шли поперекъ ледника отъ одного края цирка къ другому и глубоко скрывались въ снѣгу. Первая морена, на которую мы вѣхали, находилась на высотѣ 3540 метровъ. Отъ нея мы свернули влѣво и пересѣкли начало ледяного потока, идущаго между двухъ моренъ. Вершина второй морены находилась на высотѣ 3480 метровъ. Ледникъ окружаетъ эти двѣ морены и тремя потоками спускается внизъ.

Морены представляютъ огромные холмы безпорядочно нагроможденныхъ одинъ на другой обломковъ черныхъ сланцевъ, круто спускающихся къ ледянымъ потокамъ. Отдохнувъ на моренѣ полчаса, мы начали спускаться съ нея по сланцевымъ обломкамъ, которые при каждомъ шагѣ лошадей съ шумомъ разсыпались и летѣли внизъ. На высотѣ 3360 метровъ я встрѣтилъ первый выходъ воды изъ подъ закрытаго снѣгомъ ледяного потока. Пересѣкши нѣсколько ручьевъ, вытекавшихъ изъ подъ ледника и пробѣгавшихъ среди зеленѣвшихъ береговъ, я въ $4\frac{1}{2}$ часа по-полудни остановился у первой юрты, стоявшей на высотѣ 3020 метровъ. Въ этой

юртъ я узналъ, что мы были на берегу рѣчки Чонгъ-ташъ въ предѣлахъ Ауліеатинскаго уѣзда.

Весь день было ясно, и я ѣхалъ отъ Сарбашъ-сая въ одной зимней суконной тужуркѣ. Но послѣ спуска съ морены подулъ вѣтеръ, около вершины Чонгъ-таша собрались облака и стало очень холодно, такъ что пришлось отвязать въ торокахъ бешметъ и надѣть его на себя.

Узнавъ, что мы выѣхали не къ цѣли своего пути, устью Чотана, мы тотчасъ же двинулись дальше на Майдантальскій перевалъ. Путь лежалъ сначала по каменистымъ холмамъ, а затѣмъ по снѣгу, которымъ покрыта вся сѣверная сторона перевала. Хотя тутъ лошади часто проваливались по брюхо, но это обстоятельство не внушало опасенія: весь снѣгъ былъ покрытъ слѣдами прошедшихъ стадъ: слѣды копытъ и бараньихъ ногъ, грязь и навозъ — все это показывало, что мы ѣхали по большой дорогѣ.

Черезъ часъ (въ 5 час. 45 минутъ вечера) мы были на вершинѣ перевала на высотѣ 3520 метровъ, откуда открывался чудный видъ на горы, окружающія ущелье р. Майданталь.

Острокопечные снѣжные пики, гряды хребтовъ, покрытыхъ снѣгомъ, скалы — все это какъ бы было нагромождено одно на другое. Среди всѣхъ пиковъ выдѣлялся своею красотою пикъ Аю-туръ, который на другой день я могъ видѣть отъ самой подошвы до самой вершины.

Внизу въ долинѣ виднѣлся рядъ ручьевъ, зеленые луга и склонъ Майдантальскаго перевала, состоящій изъ сланцевыхъ обломковъ. Склонъ совершенно свободенъ отъ снѣга. Спускъ по немъ очень крутой и нужно ѣхать зигзагами. Рыхлый грунтъ спуска съ одной стороны облегчаетъ спускъ съ горы, но съ другой стороны дѣлаетъ его не безопаснымъ. То и дѣло изъ подъ копытъ лошади сыпятся мелкіе камни, лошади сползаютъ внизъ на всѣхъ четырехъ ногахъ и едва-едва удерживаются на сползающей дорогѣ.

Спустился я съ перевала въ долину Майдантала въ 6 час. 10 минутъ вечера, потративъ на спускъ 25 минутъ. Проѣхавъ по берегу р. Майданталь, которая становилась все больше и бурнѣе, принимая боковые ручьи, нѣкоторые изъ которыхъ вытекали изъ круглыхъ небольшихъ озеръ, и переправившись на лѣвый берегъ въ бродъ ниже одного изъ мно-

гихъ снѣжныхъ мостовъ, я перевалилъ черезъ небольшой кряжъ и въ $7\frac{1}{2}$ час. вечера остановился у юрты на лѣвомъ берегу Чотана, который въ этомъ мѣстѣ широко разливается, образуя бродъ. Остановка моя находилась на высотѣ 2700 метровъ.

На другой день прежде чѣмъ ѣхать внизъ по Майданталу, я отправился осмотрѣть самый нижній изъ Чотанскихъ ледниковъ (на картѣ Федченко онъ показанъ № 7, а на картѣ Леонова № 1).

Передъ въѣздомъ въ ущелье этого ледника я видѣлъ оригинальную киргизскую мечеть. Она представляла четырехугольникъ, окруженный сложеннымъ изъ камня вышиной въ $1\frac{1}{2}$ —2 аршина заборомъ. Въ этомъ сооруженіи, надъ которымъ работало не мало народа, таскавшего камни, и заключается вся постройка. Цѣль сооруженія — преградить доступъ скоту на площадку, пазначенную для молитвы.

Поднявшись вверхъ по ущелью, я остановился у верхняго края нижней морены на высотѣ 3000 метровъ. Выше этой морены было низкое мѣсто съ озеркомъ грязной воды. Въ западномъ углу озера морена дѣлаетъ крутой изгибъ на югъ и, поднимаясь вверхъ теряется, подъ снѣгомъ изъ подъ котораго выше выглядываетъ закрытая сверху и открытая съ сѣверо-востока скала. Отъ нея на сѣверо-востокъ тянется другая морена, которая сначала скрыта подъ снѣгомъ, а затѣмъ выступаетъ наружу и нижнимъ своимъ концомъ почти соединяется съ той сѣверной нижней мореной, на которой я остановился. Такимъ образомъ три морены образуютъ треугольникъ, на днѣ котораго лежитъ снѣгъ и вышеупомянутое озеро. Ледникъ лежитъ выше морены, идущей на сѣверо-востокъ отъ выглядывающей изъ-подъ снѣга скалы. Верхняя часть ледника закруглена и за ней не видно, есть ли тамъ скалы цирка, но съ боковъ ледника стоятъ отвѣсныя скалы, изъ которыхъ одна гряда идетъ на сѣверо-сѣверо-востокъ, а другая на сѣверо-западъ.

У подножья первой гряды идетъ главный потокъ ледника, заваленный снѣгомъ. Черезъ трещины и разсѣлины скалъ этой гряды, разсѣлины, идущія отъ вершины до ледника, вѣтромъ нанесло на глетчеръ снѣгъ, который двумя большими ковурами лежитъ у подошвы гряды. Ниже вдоль гряды начинается боковая морена. Поперекъ глетчера видны большія трещины, образовавшія уступы. Западная половина глетчера, спускаю-

щагося внизъ, представляетъ ровную, покатую, снѣжную поверхность. На картѣ Федченко въ этомъ мѣстѣ не показанъ ледникъ, такъ что вѣроятно это былъ большой наносъ снѣга, обѣщающій при дальнѣйшемъ выпаденіи обильныхъ снѣговъ образовать западное крыло глетчера. У меня не было ни палокъ, ни веревокъ, да вдобавокъ къ тому одинъ сапогъ былъ порванъ о скалу при переѣздѣ отъ Кара-бау къ Кокренъ-Чату, а потому я ограничился только вышеизложеннымъ осмотромъ ледника.

Киргизъ, сопровождавшій меня, сопровождалъ и Федченко въ 1897 году. По его словамъ, тогда былъ виденъ ледъ и тогда не было озера на днѣ треугольника, образованнаго тремя моренами. Обиліе снѣга на ледникѣ, появленіе снѣжника въ западной части ледника — суть результаты увеличенія осадковъ въ горахъ. На это увеличеніе указываютъ еще слѣдующія наблюденія по дождемѣру Акъ-ташскаго горно-культурнаго лѣсничества, находящагося въ завѣдываніи лѣсничаго Н. В. Писчикова. Данныя этой дождемѣрной станціи указываютъ на слѣдующій ростъ количества осадковъ.

Съ 15 сент. 1900 г. по 15 сент. 1901 г.	766,6 mm.
„ 15 „ 1901 „ „ 15 „ 1902 „	1056,1 „
„ 15 „ 1902 „ по 1 іюля 1903 „	1594,1 „

Нужно, однако, замѣтить, что, по словамъ Н. В. Писчикова, дождемѣрная станція расположена не на срединѣ главнаго пути дождевыхъ тучъ, а на окраинѣ ея и что поэтому количество осадковъ въ горахъ должно быть больше. Тѣмъ не менѣе данныя его указываютъ на значительное увеличеніе осадковъ за послѣдніе три года. Если въ такой же пропорціи шло увеличеніе осадковъ на Таласскомъ Алатау, то и должно было ожидать увеличенія снѣжниковъ на ледникахъ. Видѣнные мною ледники подтверждаютъ это. Верхній Чотанскій ледникъ на картѣ Федченко довольно рѣзко отграниченъ и занимаетъ собою незначительную часть того снѣжнаго поля, по которому я 13 іюля ѣхалъ болѣе часу и которое на картѣ Федченко не показано снѣжнымъ. Ледникъ Тюсъ-ашу также заваленъ снѣгомъ, наконецъ нижній Чотанскій ледникъ приобрѣлъ приращеніе въ видѣ длиннаго снѣжника, спускающагося вдоль западной границы цирка.

Возвратившись къ устью Чотана, я перемѣнилъ лошадь и поѣхалъ внизъ по Майданталу. По словамъ киргизъ, вся долина рѣки вмѣстѣ съ двумя вершинными ущельями отъ верхняго Чотанскаго ледника и отъ Майдантальскаго перевала до устья Чотана, а также и дальше до сліянія съ Ойгаингскимъ ущельемъ, — называется Майданталомъ. Рѣка же носитъ это названіе только отъ устья Чотана. Выше же часть рѣки, идущая отъ Майдантальскаго перевала, называется Ашу-Туръ и только отъ мѣста сліянія Ашу-Тура съ Чотаномъ рѣка пріобрѣтаетъ названіе Майданталъ.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Припомнимъ, что по сліяніи Ойгаинга и Майдантала начинается Пскемъ, а по сліяніи Пскема и Чаткала начинается Чирчикъ. Такой же характеръ носитъ названіе и многихъ другихъ рѣкъ въ Средней Азіи.

Ниже сліянія Ашу-тура съ Чотаномъ Майданталъ принимаетъ слѣдующіе притоки: справа: Джарбашъ, Асанъ-сай, Джіенъ-кія, Семызъ-сазъ, Курумъ-туръ, Аю-туръ, Турпакъ-бель и Кой-назаръ, а слѣва: Кара-булакъ, Акъ-булакъ-улькунъ, Акъ-булакъ-кичкене, Куренъ-бель, Кугургенъ-туръ, Кокъ-кере, Тура-гаинъ и Атъ-Джайляу.

Притоки лѣваго берега всѣ незначительны, хотя большинство изъ нихъ вытекаетъ изъ ледниковъ. (Я не видѣлъ, впрочемъ, рѣчки Атъ-Джайляу). Что-же касается притоковъ праваго берега, то изъ нихъ много воды несутъ Аю-туръ, Турпакъ-бель и Кой-назаръ.

Верхняя часть Майдантальскаго ущелья отъ сліянія Ашу-тура съ Чотаномъ довольно широка. Горы съ обѣихъ сторонъ спускаются пологими террасами къ рѣкѣ, которая мчитъ по каменистому ложу свои свѣтлыя воды. Болѣе однако широка лѣвая сторона Майдантальскаго ущелья. Противъ впаденія Кара-булака горы праваго берега болѣе подступаютъ къ рѣкѣ и падаютъ въ нее крутыми покрытыми травой склонами. Всѣ склоны одѣты *Fegul'*ой, окрашивающей горы въ желтый цвѣтъ. Мѣстами среди этихъ желто-зеленыхъ склоновъ темными пятнами подымаются отдѣльные экземпляры и группы приземистой арчи (*Juniperus pseudosabina*).

Ниже впаденія Акъ-булакъ-улькунъ, въ верховьяхъ котораго ясно виденъ циркъ ледника, ущелье начинаетъ суживаться и, между впаденіемъ Акъ-булакъ-кичкене съ лѣвой

стороны и Джієнь-Кія съ правой, дорога переходитъ въ узкую тропинку вьющуюся черезъ гряды горъ надъ отвѣснымъ обрывомъ оканчивающимся у рѣки стѣною скалъ. По бокамъ тропинки растутъ приземистая, а мѣстами и высокоствольная арча и различные кустарники. Вскорѣ къ обрывистымъ скаламъ лѣваго берега присоединяются и обрывистыя скалы праваго берега, которыми оканчиваются крутые поросшіе травою склоны Джієнь-кія и Семызъ-саза (въ переводѣ значить тучное пастбище). Ниже впаденія Семызъ-саза подъ скалами у самаго берега р. Майданталъ появилась первая береза. Сначала она встрѣчается отдѣльными экземплярами, но потомъ лѣсъ становится все чаще и гуще, окаймляя собою бурно мчащійся потокъ. У устья Курумъ-тура и Аю-тура ущелье образуетъ долину густо заросшую березовымъ лѣсомъ, надъ которымъ высоко вздымается красавецъ Майдантальскаго ущелья пикъ Аю-туръ, у подошвы своей забросанный огромными глыбами порфировъ, а на высотѣ своей по склонамъ увѣнчанный снѣжниками.

У подножья этого пика дорога, спускаясь передъ тѣмъ съ карнизовъ лѣваго берега, входитъ въ березовый лѣсъ и переходитъ на правую сторону по мосту сдѣланному изъ валежнаго лѣса. Лѣсъ переброшенъ черезъ рѣку и состоитъ изъ четырехъ бревенъ различной толщины, благодаря чему середина моста поднята выше краевъ, поперекъ этихъ бревенъ набросанъ хворостъ. Переправа черезъ мостъ совершается пѣшкомъ, а лошадей съ трудомъ удастся вогнать на мостъ, подъ которымъ стремительно мчится рѣка.

Далѣе дорога идетъ среди обломковъ скалъ, преимущественно порфировъ, гранитовъ и сієнитовъ недалеко отъ рѣки, мчащейся среди лѣса по камнямъ и скаламъ.

Верстъ черезъ пять ниже моста дорога поворачиваетъ отъ рѣки вправо и поднимается по роскошнымъ пастбищамъ на Турпакъ-бельскій перевалъ, снѣга котораго питаютъ большой ручей. На склонѣ этого перевала, надъ берегомъ одного изъ двухъ, составляющихъ Турпакъ-бельскій потокъ, ручьевъ я останавливаюсь на почлегъ на высотѣ 2530 метровъ, оставивъ далеко внизу рѣку Майданталъ, окаймленную густой порослью березы.

Утромъ слѣдующаго дня въ 10 часовъ двинулся я на Турпакъ-бельскій перевалъ, переѣхавъ одинъ изъ ручьевъ по

толстому снѣговому мосту. Подъемъ очень пологій, но отъ обилія стекающей по нему воды, мѣстами образующей большія лужи. грязный. Сплошной снѣгъ начинается на высотѣ 2970 метровъ. Дорога идетъ по склону съ сѣвера ограниченному снѣжной стѣной. Масса снѣга оборвалась отъ этой стѣны благодаря чему на обрывѣ снѣга можно отличить снѣгъ, выпавшій за послѣднюю зиму, отъ прошлогодняго. Грязноватая полоска отдѣляетъ эти два наслоенія, при чемъ слой послѣдняго часто поднимается на высоту приблизительно 4—5 сажень. Крупныя глыбы снѣга лежатъ у подножья этой стѣны, разбросанныя на довольно большое пространство.

Перевалъ оканчивается недалеко отъ этой стѣны снѣга каменистымъ пикомъ, среди скалъ котораго лѣнятся представители альпійской ксерофитной флоры. Высота перевала по моему anerоиду—3270 метровъ.

Путь далѣе лежалъ также по отлогому склону въ долину р. Анда-ульганъ. Сначала путь шелъ по снѣгу, а затѣмъ переходилъ на травянистыя мѣста съ выдающимися мѣстами скалами. Ниже снѣга приходилось проходить черезъ лужайки сплошь занятая цвѣтущими незабудками. Смѣна бѣлыхъ или розоватыхъ ¹⁾ снѣжныхъ полей голубыми полянами незабудокъ поражаетъ рѣзкимъ контрастомъ.

Снѣгъ на южномъ склонѣ перевала подъ яркими лучами июльскаго солнца сильно таетъ, образуя многочисленные ручьи, собирающіеся въ потоки, низвергающіеся въ р. Анда-ульганъ.

Въ 2 часа 30 минутъ я останавливаюсь на берегу Анда-ульгана на высотѣ 2340 метровъ около огромнаго монолита, получившаго названіе Чатырь-ташъ. Монолитъ этотъ со всѣхъ сторонъ сильно подточенъ такъ что образуетъ висячій портикъ, подъ сводами котораго можетъ свободно ходить человѣкъ. Скотъ избираетъ этотъ портикъ, скрываясь въ его тѣни отъ лучей солнца и отъ дождя во время грозъ.

Долина Анда-ульгана кромѣ этого Чатырь-таша покрыта массою порфировъ, глыбы котораго разбросаны въ хаотическомъ безпорядкѣ.

На пути отъ Чатырь-таша къ Пскему дорога пересѣкаетъ выступъ скалъ, обрывисто падающихъ къ руслу Анда-ульгана. Въ этомъ выступѣ пробита тропинка по узкому карнизу, то

¹⁾ Отъ присутствія водоросли *Sphaerella nivalis*.

поднимающагося, то спускающагося. Край тропинки окаймленъ со стороны пропасти или выступами скалъ или мѣстами ивовымъ плетнемъ, между которымъ и скалою насыпанъ щебень и обломки скалъ. Тропинка ступеньками то подымается вверхъ, то спускается внизъ и затѣмъ выходитъ опять на широкую террасу, на которой дорога поворачиваетъ къ с. Пскемъ, куда я пріѣхалъ на закатѣ.

Вечеромъ, сидя съ мѣстными жителями, я разспрашивалъ ихъ о величинѣ снѣжнаго покрова, бывшаго въ зиму 1902—1903 г. Зима по ихъ словамъ, длилась 7 мѣсяцевъ при чемъ въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ кишлакъ Пскемъ не имѣлъ никакого сообщенія съ Нанаемъ. Въ такомъ же положеніи находился и кишлакъ Куфтаръ-камышъ, заброшенный высоко въ горахъ по лѣвую сторону р. Пскема. Надъ мѣстоположеніемъ Куфтаръ-Камыша возвышается гора съ ясно замѣтнымъ циркомъ, гдѣ, по словамъ туземцевъ Пскема, лежитъ ледникъ. Толщину снѣжнаго покрова въ зиму 1902—1903 г. Пскемцы опредѣляли въ 10—12 карышей, т.-е. 50—60 вершковъ. Въ самомъ кишлакѣ они сообщались другъ съ другомъ только при помощи *чамбаръ*, состоящихъ изъ загнутаго въ кругъ прута изъ дерева ргай. Пространство внутри этого круга заполняется протянутыми ремнями, на которые ставится нога, привязываемая къ деревянному пруту ремнями. При помощи такого приспособленія ноги не проваливаются въ снѣгу и можно ходить по послѣднему безъ особеннаго риска.

Одинъ старикъ 55 лѣтъ за все время своей жизни такую зиму видѣлъ третій разъ. Эти показанія, въ связи съ видѣнными мною массами снѣга въ горахъ и въ связи съ наблюденіями Н. В. Писчикова на Акъ-ташѣ, указываютъ на увеличеніе атмосферныхъ осадковъ въ районѣ Таласскаго Ала-тау.

Во время поѣздки въ верховья Пскема я такъ же, какъ и во время поѣздки на Акъ-тау, велъ метеорологическій дневникъ. Долженъ, однако, сказать, что на Акъ-тау у всѣхъ юртъ, гдѣ я ночевалъ, были *додага*, т.-е. небольшіе куски кошмы за два противоположные (верхній и нижній) конца, пришиваемые къ нижней части узуконъ¹⁾ съ внѣшней стороны вокругъ всей юрты. Додага служили прежде клапанами для

¹⁾ Узуконъ—кошмы формы трапеціи, покрывающія среднюю часть юрты.

Мѣсяцъ и число.	Часы наблюденія.	Мѣсто наблюденій.	Анероидъ		Сухой термо- метръ.	Смо- чен- ный термо- метръ.	Мини- маль- ный термо- метръ.
			давле- ніе.	высо- та.			
Іюль.							
7	7 ч. утра	Сел. Троицкое (лагерь).	704	660	23,6	21,8	17,5
8	7 ч. утра	Акь-ташъ.	661	1170	21,4	19,6	16,5
	9 ч. веч.	—	661	1170	19,2	—	—
9	8 ч. утра	Тамъ же.	663	1150	22,5	21,4	15
	3 ч. дня	Начало дороги въ Чимганъ.	676	980	25,2	23,8	—
	9 ч. веч.	Сел. Нанай.	676	980	18,6	16,4	—
10	7 ч. утра	Тамъ же.	676	980	19	15,4	17
	1 ¹ / ₂ дня	Близъ Тапыръ-сая.	665	1120	29,6	22	—
	9 ч. веч.	Сел. Пскемъ.	646	1370	22,2	21	—
11	7 ч. утра	Тамъ же.	646	1370	21,2	18,4	18,5
	9 ч. веч.	Кокренъ-чатъ.	621	1690	16,6	19	—
12	7 ч. утра	Тамъ же.	622	1685	24,2	20,8	8,5
	1 ¹ / ₂	Текешъ-сай.	590	2115	27,2	23,2	—
	9 ч. веч.	Тюя-карынъ.	558	2570	13,9	13,6	—
13	6 ч. утра	Тамъ же.	558	2570	9,4	9,2	6
	9 ч. веч.	Чотанъ.	550	2700	12,2	11,6	—
14	6 ¹ / ₂ утра	Чотанъ.	550	2700	10,6	12,8	6,5
	9 ч. веч.	Турнакъ-бель.	561	2530	12,5	14	—
15	9 ч. утра	Тамъ же.	561	2530	21,2	18,4	8,5
	9 ч. веч.	Пскемъ.	644	1410	25,8	22,8	—
16	8 ч. утра	Тамъ же.	644	1410	24,6	—	22

тесмы, придерживавшей снаружи узки, теперь же додага имѣютъ значеніе лишь украшеній. Въ эти додага я и влалъ на ночь минимальный термометръ, который такимъ образомъ всецѣло находился въ температурѣ внѣ юрты. На верховьяхъ

Пскема у каракиргизъ Куркуреуской волости юрты не обшиваются додага и лишь поэтому приходилось класть минимальный термометръ на полу въ юртѣ у отверстій кереге. Такое положеніе термометра не могло не отражаться на показаніяхъ послѣдняго.

Записи моего дневника приведены въ таблицѣ (см. пред. стран.).

Въ теченіе всей моей поѣздки небо было ясное. Дождь былъ небольшой въ верховьяхъ Майдантала передъ моимъ спускомъ туда. Я видѣлъ ясные слѣды дождевыхъ капель на землѣ. Это было 13 іюля.

Какъ я уже говорилъ выше, травянистая растительность въ верховьяхъ р. Пскема аналогична растительности Акъ-тау. Также преобладаютъ *Ferula* и то растеніе, которое мѣстное населеніе называетъ минъ-тумаръ, которое также какъ и два вида *Ferul*'ы служатъ кормомъ для скота. Кромѣ этихъ растений на Ойгаингѣ я видѣлъ ревень, корни котораго подъ именемъ тарана эксплуатируются населеніемъ и идутъ на дубленіе кожъ.

Горныя пастбища, которыя можно, какъ и Акъ-таускія, назвать горно-степными, эксплуатируются двумя группами населенія: первую меньшую по количеству скота составляютъ каракиргизы Куркуреуской волости Ауліеатинскаго уѣзда, ежегодно лѣтующіе въ бассейнахъ Ойгаинга и Майдантала, и вторую группу составляютъ гуртовщики скотопромышленники, выпасывающіе скотъ въ тѣхъ же мѣстахъ во время прогона его изъ Семирѣчья съ Каркаринской ярмарки и изъ Ауліеата съ майской ярмарки, а также и ниже по Пскему, а равно и въ другихъ мѣстахъ.

Каракиргизы Ауліеатинскаго уѣзда имѣютъ крайними предѣлами своихъ лѣтовокъ сѣверный склонъ Турпакъ-бельскаго перевала, теченіе рѣчки Кой-назаръ и урочище Кокренъ-чаты при слияніи Ойгаинга съ Майданталомъ. Въ 1903 году вкочевало въ эти два ущелья 163 кибитки киргизъ №№ 2, 3, 4, 5, 6 и 8 ауловъ Куркуреуской волости съ слѣдующимъ количествомъ скота: лошадей 1205, верблюдовъ 308, рогатаго скота 583, барановъ 17255 и козъ 513. Болѣе детально кочевки Куркуреускихъ киргизъ съ показаніемъ числа кибитокъ на каждомъ урочищѣ и скота, а также со средними величинами скотоводческаго хозяйства одной юрты приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Названіе лѣтовочныхъ урочищъ.	№№ вкочевывающихъ ауловъ.	Число кибитокъ.	Число скота.					Среднее число головъ скота на юрту.	
			Лошадей.	Верблюдовъ.	Рог. скота	Барановъ.	Козъ.	Крупнаго.	Мелкаго.

По ущелью р. Майдантагъ.

Кара-булакъ, Акъ-ташъ и Тюсь-ашу.	2	11	74	23	38	1200	45	12,3	113,2
Атъ-Джайлау, Ашу-туръ и Джіенкія	2	12	151	45	39	2500	27	19,6	210,6
Чотанъ	3	13	125	24	42	1860	40	14,7	146,1
Майдавталъ	4	20	142	34	64	2050	59	12,0	105,4
Кой - Назаръ, Турпакъ-бель, Аю-туръ, Кокъ-кере и Акъ-булакъ . .	6	24	157	51	95	3705	103	12,6	158,6
Итого	—	80	649	177	278	11315	274	13,8	144,8

По ущелью р. Ойганига.

Баркракъ, Тюя-карынъ и Кокъ-саке	3	20	170	34	68	1270	58	13,6	66,4
Кульдамъ - башъ, Кокъ-саке и Кокъ-су	6	20	143	28	79	1005	55	12,5	53
Тюя-карынъ, Тюндюкъ и Акъ-Капчигай	8	25	157	44	115	2280	22	12,6	92,1
	8	7	20	8	13	230	6	5,8	33,7
Итого	—	72	490	114	275	4785	141	12,2	68,4

По ущельямъ Майдантага и Ойганига.

Аю-туръ (на Майдантагъ) и Кокревъ-Чатъ (на Ойганигъ)	5	11	66	17	30	1155	98	10,3	113,9
А всего въ обоихъ ущельяхъ.	—	163	1205	308	583	17255	513	12,8	109,0

По имѣющимся у меня даннымъ въ Куркуреуской волости въ 1902 г. считалось 1849 кибитокъ, у которыхъ было крупнаго скота 11155 головъ, а мелкаго 42760, что составить въ среднемъ на юрту 6,1 головы крупнаго и 23,1 мелкаго. Далѣе изъ тѣхъ же данныхъ за 1902 годъ видно, что въ этой волости скотоводствомъ занимается 625 кибитокъ или 33,8%, земледѣліемъ 1224 кибитки или 66,2%. Такимъ образомъ на верховьяхъ Пскема лѣтуетъ 8,8% киргизъ всей волости или 26,1% только занимающихся скотоводствомъ. Значительно большее противъ среднихъ для волости цифръ количество скота, въ среднемъ причитающееся на одну юрту, лѣтующую по Ойгаингу и Майданталу указываетъ, что сюда откочевываютъ лѣтомъ наиболѣе состоятельные скотоводы и именно изъ той группы ихъ, которая занимается только скотоводствомъ.

Все это показываетъ, что пользованіе лѣтовочными угодьями въ горахъ есть удѣлъ богатыхъ киргизъ. Бѣдность же предпочитаетъ оставаться дома и вести земледѣльческое хозяйство.

Кромѣ Куркуреускихъ киргизъ въ верховьяхъ Пскема выпасываютъ скотъ гуртовщики скотопромышленники. Послѣдніе по собраннымъ мною свѣдѣніямъ выпасываютъ слѣдующее количество скота.

По Ойгаингу . .	97 кутановъ ¹⁾	въ средн. по 1000 гол.	97000 бар.
„ Майданталу. 26	„	„ „ „ „	26000 „
„ Пскему . . . 54	„	„ „ „ „	54000 „
а всего . . . 177000 бар.			

Чрезвычайно характерно сопоставить эти данныя съ данными о кочевкахъ Куркуреускихъ киргизъ. Изъ послѣднихъ, какъ видно изъ таблицы, по Майданталу кочуютъ болѣе богатые киргизы чѣмъ по Ойгаингу. Между тѣмъ гуртоваго скота болѣе выпасывается въ послѣднемъ ущельѣ. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что богатый скототорговецъ-гуртовщикъ начинаетъ прежде всего забираться на такія пастбища, которыя находятся въ пользованіи менѣе состоятельныхъ киргизъ. За право этого пользованія гуртовщики платятъ киргизамъ. Въ 1903 г. плата эта вносилась по 2 коп. за голову мелкаго скота и по 10 коп. за голову крупнаго.

¹⁾ Кутанъ — стадо, отара овецъ.

Ниже сліянія Ойгаинга и Майдантала земли по Пскему замежеваны за Нанайскимъ обществомъ, которое беретъ съ гуртовщиковъ плату за пользованіе пастбищами какъ по жнивью такъ и по горамъ.

Изъ разспросовъ выяснилось, что скототорговцы-гуртовщики пасутъ свой скотъ во всѣхъ горахъ Ташкентскаго уѣзда, и такимъ образомъ послѣднія на значительной части своей территоріи уже вышли изъ числа лѣтовочныхъ киргизскихъ угодій. Въ пользованіи послѣднихъ остались лишь Майдантальское и Ойгаингское ущелья да мѣстами горы въ другихъ частяхъ уѣзда, гдѣ пользуются пастбищами наиболѣе состоятельные изъ осѣвшихъ киргизъ. Такъ въ Османекскомъ сельскомъ обществѣ Джаляль-Тюбинской волости изъ числа 290 дворовъ киргизъ 11 хозяйствъ или около 4% пользуются горными пастбищами для своихъ стадъ. Но пользованіе горными пастбищами со стороны осѣдлыхъ жителей составляетъ небольшой процентъ сравнительно съ пользованіемъ гуртовщиковъ-скотопромышленниковъ, которые, скупая скотъ въ Семирѣченской области и въ степяхъ Чимкентскаго уѣзда, гонятъ его на горныя пастбища, гдѣ скотъ откармливается и затѣмъ по частямъ сбывается на рынки Ферганы и Ташкента.

Такимъ образомъ можно сказать, что въ настоящее время горныя пастбища Ташкентскаго уѣзда имѣютъ очень важное экономическое значеніе, а потому является безусловно желательнымъ подробное изученіе ихъ, какъ относительно кормовъ, которыми пользуются стада, такъ и относительно тѣхъ лицъ, которыя выпасываютъ свой скотъ.

Ташкентъ
25 Января 1904 г.
